

Николай Година

СТИХИ

стеклянная
женщина

Челябинск,
2006 г.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Г59

Г59 **Година Н. И.** Стекла́ная женщина. Стихотворения. Челябинск : 2006. 160 с. : ил.

В книге представлены лучшие стихотворения о любви, о женщине, о семье известного русского поэта Николая Годины, написанные в течение сорока лет.

ISBN

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

© Година Н. И., 2006,
© Чесноков В. Н.,
 обложка, титул, 2006
© Черкашин С. Л.,
 рисунки, 2006

✧ ✧ ✧
И слово, как реликвия.
Святая бледность лбов...
Да здравствует религия,
Исповедывающая любовь!

✧ ✧ ✧

Каплет мартовская проза
С воробьиного пера.
Озонирует береза,
Даже если не пора.

Гаснет роща без метафор
В измерении ином.
Кто задумал в виде амфор
Этих женщин за окном?

Миром тайно правит Эрос,
Алебастровый божок.
Сколько душ он, как за ересь,
На костре своем пожег!

Но с любовью, с тихой песней
Восходили, свет — в очах...
Синева открылась бездной,
Будто полночь при свечах.

Радуют рисунком сочным
Дали памяти, свежи,
Где твой образ вешним солнцем
Над пейзажами души.

Берестяная грамота

Берестяную грамоту
По строчкам дятел быстро пробегаю,
Исправит несерьезные ошибки,
Потом на ветке просто посидит,
Слегка доволен собственной работой,
Которая, как всякого любого,
Вполне терпимо кормит и его.

Берестяную грамоту,
Официальное издание леса,
Читать я начал много раньше, чем
«Октябрьский колхозник». (Тетя Шура,
С брезентовой сумой через плечо,
Три раза приносила нам в неделю
Газету, сунув ловко в щель ворот.)

Берестяную грамоту
Найти на книжных полках невозможно.
Здесь первое мое стихотворенье:
«Я + ты = любовь»
Однажды прочитала вся деревня.
И, может быть, корявые те строки
Она поныне помнит наизусть.

Когда-то,
на экзаменах на зрелость
мне достался билет с таким вопросом:
«Что делать,
если один любит другую,
а другая любит третьего?»

Честное слово,
я срезался бы на самом элементарном,
не окажись под рукой шпаргалки —
твоей первой записки,
не перехваченной учителем.

*И*звлекаю корень.
Не извлекается —
земля твердая, а дерево старое.
Вытирая пот,
вспоминаю школьного математика,
который учил извлекать корень.
Но я,
к сожалению,
в то время был занят
поисками новой рифмы
к слову «любовь».

В детстве
мы любили играть
в прятки.

Однажды
ты спряталась так,
что я до сих пор
не найду тебя.

Все давно
разошлись по домам,
напились чаю,
уложили внуков.

Не знаю,
как поступить мне:
продолжить поиски
или вернуться туда,
где никого уже не застану?

Стихи по поводу

Дождь по поводу весны.
Дрожь по поводу смущенья
От игры, от ощущения,
Что нам возрасты тесны.

Шум по поводу меня
Из щелей твоей квартиры,
Где без повода мортиры
Тащит на рубеж родня.

Лампа вспыхивает вдруг.
Луч похож на медный провод.
Трезвый дворник ищет повод,
Смотрит суетно вокруг.

А вокруг зима и свет.
Эта встреча на аллее.
Надо бы повеселее,
Повод есть, чего-то нет...

*И*знапасти дожди
Этот лес и ту дорогу,
По которой, слава богу,
Нам с тобою не идти.

Грусть, прохлада, облака,
Пустота лесных ристалищ,
Где с тобой мы не расстались,
Где не встретились пока.

Романс

И трава, и цвет травы,
И рассвет в том юном годе,
Где мы вежливо — на вы,
Где мы скромно — о погоде.

Незабвенный свет очей,
Как явление природы...
Звезды были горячей
И торжественнее оды.

Так недавно и давно!
Снег то кружит, то вращает,
С тополей летит в окно,
Будто снова возвращает

В свет листвы и в цвет травы
В юном том, рассветном годе,
Где мы — вежливо на вы,
Где мы скромно — о погоде.

Любили Дуньку Кулакову,
Поскольку не было других...
Теперь вон хлещут кока-колу
И пиво в баночках таких.

А мы от клюквенного морса
Пьянея, мацали девчат.
Ну, врежут по соплям — утёрся,
Всё шито-крыто, все молчат.

И слов не знали как — проблема,
И радовали стариков,
Не то, что нынешнее «племя
Кустов, притонов, сходняков».

*Н*е успели похоронить одну эпидемию,
как родилась другая, не менее опасная.

В посуде, из которой вчера выплеснули
противогриппозную сыворотку,
поселилась тоненькая ветка,
облепленная бархатными пчелками почек.

Воздух насыщен странными вирусами,
распространяющимися не только
через рукопожатия и поцелуи, но даже
через улыбки,
взгляды и телефонные звонки.

Статистика особо предупреждает
восемнадцатилетних.
И еще почему-то шестидесятилетних.

В который раз
с надеждой
настраиваюсь на частоту
твоего сердца.

Давно
не верю в чудо,
но вдруг отзовешься.

Белый свет не бел, не светел,
А скорее — синеват.
За углом наждачный ветер
И у солнца мало ватт.

Голый в шубу спрятал тушу.
Босый в валенках увяз.
Ну, а душу, как же душу
Спрятать? — спрашиваю вас.

Закатился безнадежно
Шарик ртутного столба.
Беззащитно, безодежно
Как-то чувствую себя.

Снишься ты, близка, упряма.
Взгляд дремучей, чем леса.
И ладошки, будто пламя,
Возле белого лица.

Я приду к тебе до срока,
Если не сведет с ума
Эта длинная дорога,
Это долгая зима.

Выбор

*М*ожно купить лотерею
и выиграть машину.

Можно взять отпуск
и поехать на Золотые пески.

Можно понравиться жене начальника
и стать хорошим работником.

Я выбрал тебя,
чтобы страдать.

С тех пор,
как я тебя встретил,
Бог вычеркнул меня
из списка праведников.
С тех пор,
как я тебя встретил,
человечество стало богаче
на одну любовь.
С тех пор,
как я тебя встретил,
на экранах моих ночей —
только цветные сны.
С тех пор,
как я тебя встретил,
твое имя звучит рефреном
в лучшей из моих поэм.
С тех пор,
как я тебя встретил,
живу по календарю,
который ведет исчисление
с тех пор,
как я тебя встретил.

Дальний угол земли, но с российским
до кустика видом,
Тесно архитектурные штампы построены
в ряд.
Хорошо, что ты есть в этом городе
незнаменитом,
Где на клумбах осенние астры,
как свечи, горят.
Бороздит синеву разукрашенный
парусник сада.
На приборах души — упоенье
и добрая весть.
Ни сейчас, ни потом ничего от тебя мне
не надо,
Лишь бы ныне и присно безраздельно
я знал, что ты есть!

Марелка золотых плодов.
Вот реализм моих трудов!
В июль прорублено окно.
В углу сидит одна из муз,
Ворчит, само собой, что муж
Не целовал ее давно.

Она банальна, но права,
Права, поскольку такова
Архитектоника души.
Шумерка, божество, Иштар,
Как видишь, я еще не стар,
Но буду юным, прикажи!

Ты — мой лирический герой,
Завод химичит под горой.
Труба, как кисть, рисует дым.
Подался за город народ.
Там есть вода и кислород,
И лес, на случай, молодым.

Скажи, какая благодать!
Не роскошь ли, чтоб увядать
В пустынной тишине пенат,
Где кактус больше не кумир
И зеркало не антимир,
И вздор на скуке не женат?

*М*ень отрастала, словно ветка,
Вмещалась в улицу едва,
Потом всходили звезды редко,
Как всходит первая трава.

Бензином скверно пахли скверы.
Отстаивалась тишина.
На фоне сумрака Венера
Была так женственно бледна.

Тянуло далью от вокзала,
Дышали двери табаком.
И люстра с потолка свисала
Во тьме огромным пауком.

Все на земле перемешалось,
Меняя краски и черты.
И, легкомысленна, как шалость,
Была реальной только ты.

Заботы поры гнездованья,
Наглядный во всем домострой.
Увялый лежу на диване
Вчерашней погулки герой.

В окне голосит и голубит,
Скандалит крылатый народ
И любит, и любит, и любит,
Аж зависть местами берет.

Отвык молодым и охочим
В плену обстоятельства быть.
Давно ль мог и я, между прочим,
Дом ладить, хозяйку любить?..

Еще цветы, в слезах спросонок,
Всего боялись, и для нас
Торшером тоненький подсолнух
Светил, удобно наклонясь.

И в чем-то искренне изверясь,
На весь дырявый сеновал
Нес воробей такую ересь,
Что сам себя не узнавал.

А пес, избавясь от аркана,
Не слушал, а внимал тому,
Как органично и органно
Осинник пел, раздвинув тьму.

И ты приглашенно и мило,
Неся в глазах теплинку дня,
Ко мне с крылечка не сходила,
А снисходила до меня!

Лес именем своим пропах,
Развел цветы на серой ткани,
Горча смолою на губах
И каплей вермута в стакане.

Фальшивит мутное стекло.
Ползут, поскольку припекло,
Живые буквы по газете.
О вспашке те, о севе эти.

Ты ос изводишь свитерком,
В котором дух и плоть зарплаты.
Два аполлона с ветерком
Примчались, сели, как заплаты.

Какая радость нас свела
Здесь, за спиною у села,
Больших и малых под сосною,
И — главное! — тебя со мною?

Непостижимые глаза,
В них старый лес красив и строен,
И дятел, сверху вниз скользя,
Из разноцветных перьев скроен.

И земляничные цветы,
Совсем как зимние следы,
Шмели берут собачьим нюхом.
И леший водится, по слухам...

По счету елочки в лесу,
Березки — раз, два и обчелся...
Как тучу, над собой несу
Навильник звонкого очеса.

Воздвигнутый по всем статьям,
Стожок украсил тихий угол,
Рассадник пней, обитель ям,
Где дятел нас вдвоем застукал.

Домой отправилась родня,
Наверно, баню затопила.
Ты не смотри так на меня,
Как будто наважденье было.

Не говори, кто я такой,
Не спрашивай, кто ты такая,
Мерца в сумерках рекой,
В мою судьбу перетекая.

Ийдем на верх горы Железной,
Посмотрим, где конец земли...
И слез из тучки бесполезной
Прогнозы выжать не смогли.

По воле слесаря, нелепо
Возник в кустах водоворот.
Фонтанный дождь ударил в небо,
А надо бы наоборот.

Дома, как стереоколонки.
С афиш смеются «Верасы».
И, может быть, из-за поломки
Ждем светомузыку грозы.

Тропа юлит, боясь заране
Стеной воздвигнутых пород.
И нет нужды, а есть желанье,
И нам его не побороть.

✧ ✧ ✧
Слышишь,
о чем говорят
птицы?

Понимаешь,
на что намекает
вечер?

Догадываешься,
куда клонит
трава?

Время — любить!

*Т*олпа, в которой нет тебя.
Толпа, спешащая немножко,
Потешно, как сороконожка,
Ползет, суставами скрипя.

На ветер пущена гроза.
Предощущение покоя.
И, что-то вдруг узрев такое,
Пугают радостью глаза.

Но это только над плечом
Полет чужого силуэта,
Игра воображенья это.
И ты здесь вовсе ни при чем.

— Кушайте райские яблочки! —
настойчиво угощала нас
уральским ранетом
змея
в образе тетки Меланьи...

Продолжение истории этой
можно узнать из Библии.

Отыскивая лучшие слова,
Подчеркивая жестами для прока,
Я выгляжу смешно, и ты права,
Молчанием наказывая строго.

Хочу сказать, смешав добро и зло,
Такое, чтоб огонь, как от кресала...
А ты молчишь устало, но светло.
Ты — женщина.
И этим все сказала.

«*У*читесь любить у цветов», —
написал я на клумбе.
Шевельнулся ветерок,
и показалось, будто ты прошла мимо.
Этот солнечный запах полян
от твоего разноцветного платья.
Нет, что ни говорите,
а фиалки с подснежниками
в выщербленном стакане
на подоконнике —
лучший вариант весны.

✧ ✧ ✧
*Л*ЮБИТЬ
И
ВСПОМИНАТЬ
ЦВЕТАМИ.

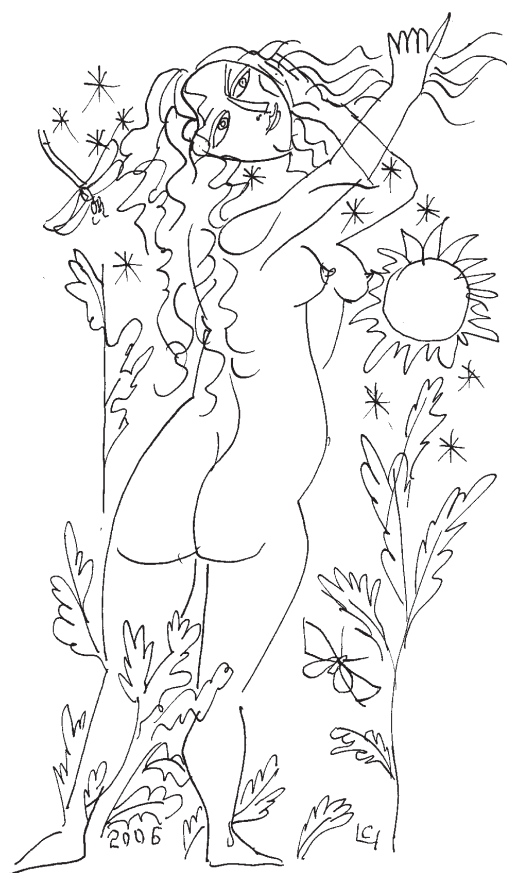

По жертвуем, адамы, по ребру,
Пусть станет божий свет вдвойне
прекрасным.

Высокая, как полдень, в чем-то красном,
Ты образно сгораешь на ветру.

Дымит сирень и клонится в кювет.
На солнце ни затмения, ни пятен.
И всякий воробей немного Фет,
И всякий жук по-своему приятен.

Трава просторно плещется — плыви!
Ветвятся руки гибко и сторожко.
И мы с тобой, как дерево любви —
По листику на каждую ладошку.

Сквозь облако, сквозь марево, сквозь сон —
Твой лик в карандаше.
Рисунок этот портить не резон,
Он мил моей душе.

Графическая линия тонка,
Исполнена легко.
Вела ее любовь, а не рука —
Далёко-далеко.

Боюсь открыть, боюсь закрыть глаза.
Мне даль твоя видна.
Там, плавясь, солнце крупно, как слеза,
Висит в углу окна.

Там синь росу соломинкою пьет,
Висок твой оттеня.
И маленькое радио поет
Внутри здесь, у меня.

Импровизация

Все, как в первый день после сотворения мира:
тихо вздрагивая,
деревья привыкают к разноцветным птицам,
а птицы,
вопя не то от страха, не то от восторга,
привыкают к деревьям.
На сократовском лбу маренного валуна
от тщетных попыток осмыслить окружающее
выступили крупные капли
росы.
Ты — еще восставшая, но уже усмиренная.
Я — уже победивший, но еще плененный.
И перед нашими глазами маячит,
похожая на бельмо,
миасская сорока.
А может быть, Поэзия потеряла
представление о своей
сути?

Зеркала не в меру льстивы...
Птицы хором про уют —
Социальные мотивы
Им покоя не дают.

Неживая, как на фото,
Даль с откусанной луной.
И за ней, в грядущем, что-то
Не разгаданное мной.

Дебри — с бору по сосенке.
Смутно, холодно плечам...
Безутешные в поселке
Ходят парни по ночам.

Потому и не спокойны
Створки и калитки здесь,
Где девчонки — не иконы,
Но красивей стюардесс.

Спрячу огонек в ладони,
Прoberусь по этажу.
Напишу письмо Алдоне,
Обстановку расскажу.

Мир загадочно реален,
Как Чюрленис рисовал.
Звездами затон завален —
Пароходик рисковал.

Справа — клуб, подобный рифу.
Ну, а он чуть-чуть левей,
Философствующий в рифму,
Ферт, разбойник, соловей!

Гора

...Возьмешь, бывало, этот пик,
Чуть схожий с обелиском, —
Тебе покажется на миг:
До неба близко-близко!
Поднимешь руку — облака
Упругие повиснут.
Сожмешь кулак — из кулака
В лицо дождейки брызнут.
А в тихий час, когда закат
Восходом станет где-то,
Дурачась, шалый звездопад
Зажжет в тебе поэта.
Туда, где мир шумлив и прост,
Сойдешь крылатым будто,
Неся в глазах соцветье звезд,
Чтоб подарить кому-то.

Здесь, у воды, такая тишина,
Такая глушь, безмолвие такое,
Что, кажется, воочию видна
Во всем перенасыщенность покоя.

Затянут белым поясом берез,
Синеет пруд глубинами прохлады.
А мы с тобой взволнованы до слез,
А мы с тобою несказанно рады.

Уставшие от города вдвойне,
Отвыкшие от запаха и цвета...
Сидим в траве, запоминая лето
Подробно, как разведчик на войне.

Зачем?

Зачем, застенчиво искусственны,
Жжешь на губах, что в кровь искусаны
Слова, дым по ветру пустив?

Зачем, пронзившие мгновение,
Те, безоглядно откровенные,
Таят фаллический мотив?

Зачем, родясь под небом розовым,
Твой голос бредит сном березовым
И не представишь даже чем?

И свет, творящий день за рощею,
Пусть с целью, может и хорошою,
Друг другу выдал нас зачем?

*М*не кажется, что я тебя леплю:
Спина, живот, плеча округлость эта.
Я каждый переход в тебе люблю
От линии к расплывчатости света.

Еще пока сама собой, одна.
Еще в глазах твоих темно и сухо.
Но зябко в зыбь свою погружена,
Вдруг тайным криком достигаешь слуха.

И вот уже, объявшее вокруг,
Чудовищней, чем боль, нежней, чем слово,
Сомкнулось надо мною пламя рук
И, угасая, возгорелось снова.

Где сохнет по дождю Атлян
И даль в рисунках, будто книга,
В подолах ситцевых полян
Переспевает земляника.

Рву, обжигаясь краснотой,
По ягодке и с интересом
Слежу за тихой красотой,
Условно названною лесом.

Легка симметрия стволов.
Уютны коридоры просек.
И воздух комнатно лилов,
И слова зря никто не бросит.

И хочется, как в дом вбежать,
Под солнце сесть, как под икону,
И век хозяйку ублажать
И по любви, и по закону.

*Л*юби меня таким, какой я есть.
А в свободное время
можешь мечтать о своем принце,
который больше никогда
не придет к тебе.

Люблю тебя такой, какая ты есть.
А в свободное время
штопаю старую одежду,
в которой тем самым принцем
я некогда являлся тебе.

*М*аких стихов,
какие шепчешь мне по ночам,
не сочинить ни одному
поэту.

Однажды утром
я хотел записать их в тетрадку,
но не вспомнил даже начала.
Любовь нельзя заучивать
и повторять.

Этюд для двоих

*М*ы — волна,
которая не топит,
но и не спасает.

Сквозь туман
мятежных глаз
слабо теплятся огоньки.

Господи,
не дай силы добраться до берега
и стать таким же, как все:
немного усталым и немного
довольным собой.

Вокруг творилось разное
В зеленом, в голубом,
Но главным было красное,
Как в празднике любом.

Мы прятались под лапами
У елок, где свежей,
А небо поцарапанным
Казалось от стрижей.

Мошка зудела нежная,
Обсыпав, будто сыпь.,
И сквознячок подснежники
Пытался погасить.

Какие надо именно,
Лес песни пел двоим.
Я, как паролем, именем
Волшебствовал твоим.

Затяжной поцелуй
захватывает дух,
останавливает сердце,
укорачивает время...

А вдруг не успеем
раскрыть объятия?

*П*ланируем время,
планируем деньги,
планируем любовь...

Наши предки
не знали планирования.
У них было много времени
и совсем не было денег,
а о любви они еще не догадывались.

Они просто жили.

Метеорологический этюд

*Н*а юге жарко,
на севере холодно,
на востоке ветрено,
на западе дождливо.

А у нас с тобой
переменная облачность
с прояснениями
и кратковременными слезами.

У лета
цветные карандаши.
У зимы — простые...

Наша жизнь бесцветна,
а мы, как невидимки.

Давай
разойдемся по сторонам,
поищем друг друга.

— Стой, — сказала, — я сейчас...
И убежала в галантерейный магазин,
где выбросили
импортные колготки.

С тех пор стою
и считаюсь опорой
дома.

У крадкой, как вор,
наощупь
люблю тебя по ночам.

А днями,
прячась среди людей,
боюсь, что однажды
меня все-таки выдадут
откровенно счастливые
глаза.

Метафорический этюд

Я — пахарь,
ты — земля.

Вспахал глубоко
и высеял семя.

Теперь
будем ждать
урожая.

*М*еталась женщина, кричала.
В больших глазах стояла мгла.
Потом уставшая молчала.
Потом счастливая спала.

Вертелась медленно планета,
Прохладно было и темно.
Еще в садах росли букеты,
Еще готовились приветы.
Крутила ночь свое кино.

А в синий час, когда светало,
Дочурка, с дедушкин носок,
Себя шумливо утверждала
И до смешного щекотала
Губами розовый сосок...

Математический этюд

$1 + 1 = 3$
Никакая высшая математика
не в состоянии подтвердить это.

Но у тебя на руках
сладко посапывает тот,
который упорно настаивает, что
 $1 + 1 = 3$

Амбиция

Над
родильным домом,
как над Сикстинской капеллой,
весело вьется
дымок.

Теперь и я — папа!

Дочь

Вопреки желанию Мальтуса,
Та, что вымечтал, точь-в-точь,
Чуть похожая на мальчика,
Появилась в доме дочь.

Так пронзительно глазастая,
Так игрушечна на вид,
Пусть она, сопя и здравствуя,
Мир наивностью дивит.

А для нас излишня проповедь.
Нам детьми дано побыть:
Снова первый шаг опробовать,
Слово первое слепить.

Стихи, написанные по просьбе Жанны

Полдень лета — сенокос.
Дождиком пугает небо.
Под забором стадо коз
Спит, раскинувшись нелепо.
Пугало над парником
В духе лучшего поп-арта.
Через речку напрямиком
Двигается корова Марта.
У коровы молоко
Для моей трехлетней сплюхи,
Что сменяла нелегко
Ясли на гнездо в малухе.
Бабка, кажется, слегла
За трубой на печке русской.
Видно, сладить не смогла
Бабка с новою нагрузкой.
Мама ездит по югам.
Дочь — с характером девица —
Не дает моим ногам
Ни на миг остановиться.
Дочь зовет кукленка пить,
Мыслью заболев упрямой:
Очень трудно папой быть,
Лучше быть, конечно, мамой!

Пока что небо птице мелко,
А дочке — лужа на углу.
Но елка, тонкая, как стрелка,
Заметно клонится к теплу

Укоротила роща платье.
Бугор по лысину взопрел.
На выгоревшем циферблате
Почти без четверти апрель.

Пора извлечь из мутных окон
Улов капроновых тенет.
Пусть вечер глянет рыбьим оком
И первую звезду сморгнет.

А школьник с луком за амура
Сойдет, как образ этих дней,
Когда синее даль не хмуро
И зеленеет мир за ней.

*Ш*ифры генетического кода...
С дочками не легче год от года.

Смою, не последнюю, с лица
Соль педагогической науки.
Тяжек труд, но славна роль отца,
Ибо принял, как Христос, все муки.

Прыгают кузнечиками дочки.
Тешься, говорят, пока цветочки...
То-то будет! — надо понимать.
Та, что старше, с улицы влетела,
Жарко шепчет, обнимая мать.
Мать — это совсем иное дело...

Расшевелила сумерки звезда,
Запала в пруд, как в душу, и надолго.
Нам надо верить в счастье иногда
Хотя бы из простого чувства долга.

Вот я и ты. Прекрасен наш союз.
Вот дети, в их глазах стоит эпоха.
Но быть счастливым я еще боюсь,
Поскольку на земле кому-то плохо.

Пусть так. Растет былинкой, не спеша,
И тайно корни укрепляет вера...
Оттаял пруд. Откликнулась душа.
Наполнилась неясным светом сфера.

Стихотворение о любви

У тобы написать стихотворение о любви
мне нужны твои глаза,
сквозь которые подсматривает желанье;
твои руки,
похожие на птиц,
которым не дают приземлиться;
твой голос,
тайно призывающий к восстанию
духа и тела;
и, может быть,
счастливая от избытка хлорофилла,
береза под нашим окном...

А что,
давай напишем
новое стихотворение о любви!

Демографические наблюдения

*М*ашины
размножаются быстрее
человека.

Поэтому
заводов больше,
чем родильных домов.

Акушеры тайно
завидуют механикам.

С ительная осень над хлебами
Была венцом крестьянского труда.
Свободные, сверкая влажно лбами,
Курортники спешили кто куда.

Проглядывал порок в цветах истошных.
Ни к городу стояла, ни к селу
Гора над лесом, истекал источник
Сквозь ржавый вентиль в мраморном полу.

В кустах, грозой заряжена, как пушка,
Сидела крепко тетка у ворот.
Но мне уже понравилась избушка,
А тетке, может, деньги — наперед.

Внутри лежал на самой южной точке,
На русской печке, рядышком с трубой,
Фольклорный дед, росли вовсю листочки
По краю занавески голубой.

В окошко любознательной соседкой
Заглядывала яблоня, дразня
Тяжелой веткой, будто полной сеткой
С плодами, искушавшими меня.

— О, боже, упаси от женщин юга! —
Шептал не раз я в потолок с мольбой,
Прервав психоанализами Юнга
Телепатическую связь с тобой.

А за стеной текла безбрежно плазма
Вечерней мглы в бензиновых парах,
И, как печать великого соблазна,
Луна стояла высоко в горах.

Барков

Ровно через двести лет
Прочитал Баркова.
Убедился, что поэт
Излагал толково.

Без намеков, прямиком
В скверном самиздате
Самым русским языком
Выражался кстати.

«Дамы делятся на дам...» —
Что-то в этом роде.
Интерес к его трудам
Не угас в народе.

Шепотом — из уст в уста,
Тайно — строчка к строчке,
Особливо те места,
Где обычно точки.

Знал, творя не впопыхах:
Отзовется слово.
Даже в пушкинских стихах
Вижу тень Баркова.

Индия

Сергею Баруздину

*М*оре слезится на солнце.
Пальмы чуткие, как ресницы...
Что я знаю о ней?
Только имя и то,
что она свободна.
Но разве этого недостаточно,
чтобы полюбить?

Ниагара

*К*аменный гребень
коснулся белых волос.

Чайки,
как эффект искрения и треска
при статическом электричестве.

Голубой теплоходик,
похожий на пластмассовую заколку...

Мне нравится ее имя
и гордая решительность,
с которой она уходит
от Эри к Онтарио.

Канада

География любви

*Л*юбим
Любанью
любим.
Люблино
в
Любляну
влюблено.
Любляна
в
Люблин
влюблена.
А
Люблин
Любань
любит!

Комплимент Эйфелевой башне

Пусть
ветер в голове,
зато — железная
фигура!

Имя

Она смотрит сквозь окно
на розовую вершину
и думает:
как хорошо быть
мексиканкой грузинского разлива
с таким красивым
японским именем
Мехико Кутаиси.

*П*рисушиваюсь и не пойму:
или мышь гложет черствую корку,
или ржавчина доедает старую трубу.

Приглядываюсь и не разберу:
или отец стоит в вылинявшей гимнастерке,
или тополь прощается с летом.

Вспоминаю и не припомню:
или ты говорила, что любовь — для слепцов,
или вычитал в какой-нибудь книжке.

Задумываюсь и не соображу:
или это сон, или моя жизнь,
доставшаяся другому...

Стеклянная женщина

*В Дрезденском музее
гигиены и санитарии
выставлена стеклянная
женщина.*

Сознание воображало.
Пристойно любопытство жгло.
В углу поблескивало шало
Одушевленное стекло.

Краснел холодный провод резко
К естественности приближен.
И нерв, натянутый, как леска,
Был откровенно обнажен.

А женщина, кружась, парила
В каком-то непробудном сне.
И что-то странное творила
На самом доньшке во мне.
Раскинув руки, удивленно
Навстречу голосу плыла.
То, безнадежно отдаленна,
Игрою вымысла была.

Стреляли кнопки где-то сбоку,
Внизу поскрипывала ось.
И видел я, подобно богу,
Впервые женщину насквозь.

Дрезден

*К*ак будто долго проболела
И, наконец, на ноги встав,
Береза так светло белела,
По солнцу ветви разметав.

Стояла тоненькой и слабой,
И каждый лист ее дрожал.
И кедр тактично крепкой лапой
Ее за талию держал.

Неповторимо, балериной,
Она стояла, как плыла.
И тишина тайги звериной
Ей страстной музыкой была.

С тарший сержант запаса
умер, сжимая в объятиях
свою любимую...

И я подумал:
пусть лучше взрываются сердца
от любви,
чем бомбы —
от ненависти.

Фраза

«Любовь оправдывает всё».
Вослед обрушенная фраза,
Подмяла, будто колесо,
И переехала три раза:
«Любовь... оправдывает... всё».

Болеют липы снами вещими.
Жара. Вокруг сплошной азот.
В тени, зубами поржавевшими
Бродяга яблоко грызет.
Неторопливо школа строится.
И девушки на общий суд
Наряды бережно несут,
Как знаки женского достоинства.

Этюд о крайностях

Она стояла на обочине
и смеялась.

Она была,
как хрустальный бокал
на краю
столешницы.

До добра не доведет, наверно,
Углями набитая башка.
Девочка, пугливая, как серна,
Смотрит на меня исподтишка.

Мне понятен взгляд, приятен крайне,
Нет в раздумьях места мелочам.
Я причастен к первой ее тайне,
От которой душно по ночам.

И, себя иллюзией не теша,
Утверждаю, твердый в правоте,
Что с годами внутренне мы те же,
Внешне до обидного не те.

Лупа и это ей идет
Как платье в клетку или бусы.
И, если ты не... самый тот,
Стань незаметным и любуйся.

Она все делает не так
И разговор ведет иначе.
Ее не купишь за пятак
И не продашь за грош без сдачи.

Ей не дано вилять умом,
Стеречь глазами, жить увёртом...
Копаешься в себе самом,
Еще в живом, уже как в мертвом.

Тщетой порос, нуждой пропах,
Затравлен взгляд, ладошка липка...
Она грустна, лишь на губах
Царит блаженная улыбка.

Из югославского фольклора

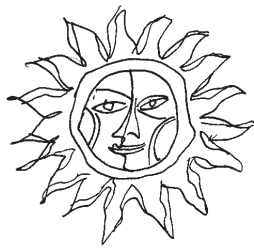
К. Скворцову

*В*идишь то окно?
Когда-то я посылал туда
тысячу поцелуев
каждый вечер.
Теперь посылаю
тысячу динаров
каждый месяц.

В музее

Бюргер из города Брюгге
Не для того рисовал
Женщин, чтоб я, руки в брюки,
От равнодушья зевал.

Та, с голубиною грудью,
Та, с безнадежностью лет,
И не задетая грустью —
Эта, которой здесь нет.

У еканщик пригвоздил устало
Луну с ущербом на виду.
Такие штуки из металла
Сегодня больше, чем входу.

Стряхнул с передника опилки.
Опять, таинственны и пылки,
Зажглись созвездия вдали,
Как специально для земли.

Иначе бы о чем извечном
Вот эти двое без конца
Могли шептаться каждый вечер
У коммунального крыльца?

И же мороз не пронимает,
Однажды до нуля дойдя.
Душа легко воспринимает
Простую музыку дождя.

Залив, как блюдечко с каймою.
Сосны размытый габарит.
Глухонемой с глухоневою
Высоким слогом говорит.

В его глазах ни звезд, ни дыма,
Но верю, сердцем заручась,
Что говорить необходимо
Сейчас ему, как ей сейчас

Необходимо быть красивой,
Когда красивые кругом.
И дождь, написанный курсивом,
Об этом, а не о другом.

*М*учительно для глаз
смотреть на такую красоту.

Нет, чтобы как у всех
нормальных — порадовался
и пошел себе дальше.

*П*лечет женщина молчком,
Прислонясь к стеклу трамвая.
Растирает кулачком
Слезы, от людей скрывая.

Вдруг выходит за мостом,
Улыбается чему-то,
Даже снится, но потом,
Даже грезится, но смутно.

Расшатанный ветрами березняк.
За старой закопушкой у сугроба
По краю тень заметней, чем синяк
Наколки на руке: «Любовь до гроба».

Лыжня с лыжней... О, солнце, вдохнови
Вон тех двоих, пренебрегая мною.
Пустой смешок не вслед, но за спиною...
Счастливое невежество любви!

Вечерние окна

В каждом окне,
как в телевизоре,
свое кино.

Вот, похоже,
крутой вестерн:
звонят стекла,
трещат стулья,
крупным планом — краснорожий воин
с кухонным томагавком.

Слева,
сквозь тюлевый снежок
длится
многолетний сериал «Иван да Марья»
из жизни провинциальных
пенсионеров.

А снизу
эротическая программа
с участием местной знаменитости,
разгуливающей по квартире
в чем мама родила...
Здорово интересно,
а главное,
в отличие от телевизора,
абсолютно безвредно!

Не про меня упёртый сопромат...
Расслабься, отпусти чуть-чуть пружины.
Пейзаж альковный смазан и примят,
Но срок еще мотают наши джины.

Страдай! — глагол горит, как электрод.
А сердце у тебя покруче стали.
На две любви и ненависть вперед
Мы друг от друга, кажется, устали.

Материя устала, дух устал.
Испепелился прометеев факел.
Всю ночь, как ливень, звездопад хлестал,
Серебряным крылом укрыл нас ангел.

К ак мины, пряча грузди,
Безмолвствуют леса.
От чувства тихой грусти
Отделаться нельзя.

У станции махина
Палит из труб, как дот.
Моя матриархия
По улице идет.

Сейчас с порога скажет:
«Вот сумка, поспеши!»
Одним моментом смажет
Все тонкости души.

Заглянет в завтра просто
Реальней, чем фантаст.
Она от философия
С ума сойти не даст!

Глаза в слезах, как поплавки,
Стоят сочувственным укором...
Леса построились в полки,
Степь залегла за тем угором.

И небо сотней батарей
Вдруг ахнуло, огнем сверкая.
Прощай и позабудь скорей,
Коль началась война такая.

Ветрами ангелы поют.
Легла дорога между нами.
Не ранят, может, не убьют.
Все... и — вперед за орденами!

А если побоку игру, —
Меня сосватала свобода.
Вот потолкаюсь на миру
И буду тише год от года.

Осенины

Фрагмент осеннего мотива
Включила смело перспектива,
Не разорвав троллейных уз.
На фоне озера и леса
Абстрактный идол из железа
Несет восторг стеклянных бус.

Завидуя чужой сноровке,
Паук на тоненькой веревке
Повесился, а может, врет.
Забор решетчатей, чем сито.
И гипсовый Фил Эспозито
У наших топчется ворот.

Пора хоккея и собраний.
Еще не ясен холод ранний
И не готов проект зимы.
Но черный замысел сугроба
Уже в том облаке, что оба
Отметили над полем мы.

Кусты, как проволока голы.
«Он + она» идут из школы,
Соседка едет в Теберду.
Спокойно небо и серьезно.
Пшеницу косят, хоть и поздно,
Читают книжки на ходу.

Коньки готовят, хоть и рано.
В автобусе два ветерана
Воспитывают наглеца.
А ты мне все про то, про это,
Мол, сорок лет... Что ж — бабье лето!
Жизнь без начала и конца...

Вот жизнь: письмо, дорога,
Зарплата, осень, грязь...
На одного бы много,
А на двоих — как раз!

Бредет уныло стадо
По жирной пахоте.
Потребности — что надо,
Возможности — не те.

Пастух с ордою — в гору,
А мы наискосок.
И возраст прямо впору,
И к случаю лесок.

Явление листопада.
Отходит, не спеша,
Привычная измлада
К смятению душа.

Вот счастье: в землю вмяло,
Засыпало листвой...
Прикинешь — вроде мало,
Попробуешь — с лихвой!

Покаплет. Побрызжет. Польет.
Покой. Потепление. Просинь.
Душа повторит свой полет,
Но этим не кончится осень.

Еще будут птицы кричать,
Отдав предпочтение югу,
О том, что нам нужно начать
Оказывать милость друг другу.

Еще станут звездными дни
Вокруг коммунального клена,
Когда среди всех мы — одни,
А лирика к эпике склонна.

Еще тонкий лед поутру
Сломает октябрь, похоже...
Дай, бог, совершиться добру,
Злу не совершиться дай, боже!

*Ж*ивут же люди:
у него своя жизнь,
у нее своя.

Не то,
что у нас — одна
на двоих.

Хотел,
чтобы все женщины походили
только на тебя.

Теперь
с ужасом замечаю,
что желание мое
начинает сбываться.

Через полночное свечение.
Листва луной опалена.
И ты, совсем еще вечерняя,
Неясной утрости полна.

Дрожишь случайно осинкою
В чужом лесу, где не тепло.
Сквозь сумрак, выкрашенный синькою,
Мигает звездное табло.

Плывут веселые затмения
Любимых глаз передо мной.
И с каждым выдохом заметнее
Рассвет на кромочке земной.

Опять земля, бесспорно плоская.
И солнышко в конце аллеи.
Пусть будет вечно даль с березкою
И день вчерашнего светлей.

Вот все мое благополучие,
Где ты и я — одна судьба...
Попробуйте придумать лучшее
На этом свете для себя!

С горячей пеной на губах,
У ног подрагивало море.
Металась птицей яхта в створе,
А ветер чем-то синим пах.

Клочками тени кое-где
Темнели влажно, выгорая.
И рыбой блики шли, играя
В адриатической воде.

Тела бездушно на тропе
Лежали, как на поле брани.
Но я был жив, я был лишь ранен
Случайной мыслью о тебе.
Дубровник

О чем тот дождик за окном?
Судьба его светла, но пресна.
Смотри, как преломляясь в нем,
Живут деревья интересно.

С утра в глазах твоих сквозь цвет
Сентиментальность моросила.
И вот нас в даль на синий свет
Мчит механическая сила.

А дождь украдкой перестал,
Заметив нашу безучастность.
Киоск, похожий на кристалл,
Блеснул, подчеркивая частность.

Пошли примерные поля
Тетradкой по чистописанью.
И нежность, тело веселя,
Привыкла к твоему касанью.

Вдруг потянуло на слова.
Сам говорю себе и внемлю:
Запомни, где растет трава,
Сойди хозяином на землю.

И руки к небесам воздень,
Сознай, что не во время оно
Творец, задумав этот день,
Счастливо избежал шаблона!

У елябинск елками торгует,
Венгерским яблоком дразня.
...Я выбрал бы судьбу другую,
Но эта выбрала меня.

Смотрю в окно, где все — дорога
И трижды купольный вокзал.
Я не уеду в полвторого,
Как сгоряча себе сказал.

Еще есть время, хоть суббота
Заметна в уличной толпе...
Какая светлая забота
Сидеть и думать о тебе!

Сорит рабочий класс получкой.
Цветасто детский сад шумит.
А я такой благополучный
И тихий, будто динамит.

Смотрю в окно, где ходит ветер,
И облик города не тот,
Где у афиши юный Вертер
Страдает, вздрагивает, ждет...

Снег на пне, на птичьем ложе,
Снег на веточке сосны...
Не событие, и все же
Светлый праздник новизны.

Как от скрипки Страдивари,
Ниткой звук наискосок.
Хитрый след какой-то твари
Заманил меня в лесок.

Будто брошенный тобою,
По колено в холод врос,
Я стою перед толпою
Обезличенных берез.

Она мыла ему ноги,
а он носил ее на руках.
Она безутешно плакала,
проводя его на неделю в командировку,
а он, как мавр, ревновал ее
чуть не к телеграфному столбу.
Она...
Он...
Она...
Он...

Теперь они,
случайно встретясь на улице,
изо всех сил стараются
не узнать друг друга.

Искушение

Р. З.

*Н*екрасиво быть красивой,
Отвлекать чужих мужей,
Грубо пользоваться силой
Нежной слабости своей.

Заросла душа бурьяном,
Погрузилась в черный тлен...
В этом облачно-туманном
Взгляде грех семи колен.

Да, вестимо, не святая.
Зов твой, как удар в поддых.
Но терплю, молчком страдаю,
А страдать — удел святых.

Ялтинские кошки

Размножаются, как экстрасенсы,
Кошки в Ялте, ночами, вопя.
Выйду, Господи, в темные сенцы,
Спотыкнусь, поминая Тебя.
Грех, конечно, но больше -досада.
Запредельная муть в голове:
Начитался маркиза де Сада,
Насмотрелся страстей по ТВ.
Кис-кис-кис! — покричу в огороды.
И придет, брызнув фосфором глаз,
Кошка самой красивой породы,
То мурлыча, то плача, то злясь.

*М*узыка лёгкого поведения
Ночью шляется по дворам,
Невыносима, как понедельное
Отбыванье у пилорам.

Было дело, с двухрядкой по улицам
Пели при погоде любой,
Чтобы отроковицам и умницам
Снилось что-нибудь про любовь.

Элегия

Та женщина, которую я бросил...
Заплаканное дождиком окно...
С есенинской задумчивостью осень
Похоронил я в памяти давно.

Та женщина, которую я бросил...
А этот страшный холод рос и рос.
И восходила крохотная просинь
Над заревом неоновых берез.

Та женщина, которую я бросил...
Сквозь белый день смятение несу.
Я вырубил в душе десяток просек,
Но в том лесу все так же, как в лесу.

Та женщина, которую я бросил...
О, Господи, к чему все это мне?
Никто не скажет и никто не спросит,
Никто не отзовется в тишине.

Та женщина, которую я бросил...

*М*орчу в постылом Мухосранске.
Гудит за шторой белый рой.
Своим теплом делюсь по-братски,
С двоюродною медсестрой,

Она приходит после смены,
На бис пьет водку и в матрас
Ревет по поводу измены:
Мол, в первый и в последний раз!

В плену у дикого циклона
Не то, что у чеченца, но
Душа к стихийной страсти склонна
И... деньги кончились давно.

Буран. Заказана дорога,
Снежинки больше, чем репы.
Пылятся на столе у Бога
Все челобитные мои.

«Вспомни обо мне!» —
Я повторял за Фетом.
Кактус на окне,
А рядом кот с приветом.

Славное мурло,
Усы, как у гусара...
Книжка, где Монро
В улыбке угасала.

В книжке, в глубине —
Портретик, снятый «ФЭДом».
«Вспомни обо мне!» —
Написано не Фетом.

Странный мир древес.
И взгляд с испугом вроде,
Будто ужас весь
За ним, на обороте.

Счастливы вполне,
Живем, года итожа.
«Вспомни обо мне!»
Я вспомнил. Вспомни тоже.

Сонет

*Л*юбви в природе в чистом виде нет.
Путь строчки этой бесконечно долог.
И не поэт — слагал ее геолог,
Задумав архаический сонет.

О, если б можно на краю земли
Однажды отыскать месторожденье...
Но ничего в потуге и раденье
С тобою мы пока не обрели.

Обследовали души, как отроги,
Пробили сквозь сомнения дороги,
Узнав, что в долг никто из нас не брал.

Года еще охотку с нас не сбили
И мы дойдем до собственной Сибири,
И мы откроем собственный Урал.

Зачем тебе такое лихо,
Такая каторга, как я?
Люби кого-нибудь и тихо
Молись во славу бытия.

Зачем? Суровее, чем тундра,
Пора... Костров осенних дым...
Уже сомнительно и трудно
Мне оставаться молодым.

Начни, не торопясь, сначала,
А я, спеша, начну с конца.
Живи, чтоб счастье не мешало
Мне видеть твоего лица.

Последнее слово

*П*тицу не перепеть.
Солнце не пересмотреть.
Тебя не переспорить.

Извиняюсь и уступаю,
но не потому, что ты права,
а потому, что я
не прав.

Однообразие зимы.
Берез однообразие.
Две борозды в снегу — и мы
С тобой такие разные.

Покой земли тяжел и зрим.
Над ним звезда печальная.
Мы что-то резко говорим
На языке молчания.

У нас единые слова,
А мнение раздвоено,
Но ты по-своему права.
Я тоже прав. По-своему.

Смиренная элегия

(мотив К. К.)

*В*се будет так, как есть — не изменить,
Не переделать ничего на свете.
Я не хочу ни в чем тебя винить,
Поскольку сам нисколько не в ответе
За то, что не был счастлив — так судьбой
Приговорен к тебе, приворожен тобой.
Я повторю, коль надо, муки эти.

Останься пропастью, где я на дне,
Стань холоднее, северу в угоду,
Взгляд равнодушный выплесни, как воду.
Но, чтобы жизнь свою продолжить мне,
Я должен быть уверен в том, что снова
С тебя начнется завтра день и — слово,
Любовью осененное вдвойне.

И где взяла такие ты глаза!?
О, сколь природа здесь щедра безмерно.
В них, как на молнию смотреть нельзя
И не смотреть не хватит сил, наверно.
Насквозь просвечен, безнадежно сглазен,
Я знаю, путь мой долог и опасен,
И — встречь гроза, темнея и грозя.

Хочу быть морем, морем быть хочу.
Прижав твой парус ситцевый к плечу,
Нести по воле волн, по воле боли...
Но тень надежды — только тень, не боле.
И все же я молитвенно шепчу:
Пусть будет так, как есть по божьей воле,
Другой судьбы себе не хлопочу.

У же ничем не удивит,
Не потрясет
Ни тех низин базарный вид,
Ни тех высот.

Сквозь дым мелькнет вдали село,
Вверху — зенит.
Последний лист сгорит светло,
Как осенит.

На грусть потянет, на вино.
Плохой симптом.
Бездомным быть почти смешно,
Когда есть дом.

А солнце клонится, скользя,
К плечу земли.
И удержать его нельзя,
Хоть расколи.

И провернулась шестерня
В моей судьбе.
Но все напасти от меня —
Одной тебе.

*Л*юбовь ворованной была,
А мы с тобою вне закона.
Луна над городом плыла
Таинственна и незнакома.

Песком посыпанной тропой,
Тропою звездной в кущи рая
Ночь увлекала нас, играя
Твоей судьбой, моей судьбой.

Была рискованной игра,
А ты, как милость мне господня.
И это было лишь вчера,
Но было это, как сегодня.

Свидание

Напевая ариозо нежные,
Изучал на башне хитрый циферблат.
В кулаке желтоголовые подснежники
Походили на задушенных цыплят.

Оступился, побежал трусцою резвою,
Неуклюже сунул мятые цветы...
Мы стояли, не скрывая зависть трезвую,
Потому что я — не он, она — не ты.

Помните, у Соколова:
«Время писать о любви...»
Слово помножив на слово,
Муза, душой не криви.

Девственный привкус озона,
Детский стишок воробья.
Может быть, нету сезона
Лучше, чем юность твоя.

На голубой парусине
Вышиты гуси крестом...
Время ли думать, о сыне,
Время ли плакать о том,

Что незаметно и скудно
В полночь души, может быть,
Искрой последней секунды
Кончилось время любить?

Язык любви

С тал понемногу забываться
таинственный язык любви.
Я шепчу тебе про звезды,
но ты не понимаешь.
Я дарю тебе цветы,
но ты не радуешься.
Я хочу поцеловать тебя,
но ты: «Отстань,
я так устала сегодня,
что не до этого...»
А когда-то это был единственный язык,
на котором мы могли разговаривать.

Пасмурные стихи про мягкий знак

День без солнца,
как любовь без мягкого знака.

Кстати,
когда мы потеряли его
с тобой?

Помню,
бегали в горсад на танцы —
он был на месте.

Помню,
сладко целовались, чтобы не так горчило
свадебное вино —
он стоял по ранжиру крайним справа.

Помню,
росли дети быстрее, чем хотелось,
чередовались круглые даты чаще, чем надо,
но мягкий знак, смягчая, делал свое
дело.

А теперь его нет.

Может, просто вкралась
грамматическая ошибка
в нашу любовь?

У нас с тобой, как никогда,
Стоят такие холода!

У нас с тобой сейчас зима,
А всюду лето дразнится.
И можно запросто с ума
Сойти от этой разницы.

Пестреют празднично цветы,
Ершится травка нежная.
И холодно белеешь ты,
Почти как баба снежная.

Я дух растратил, душу сжег,
Терпение кончается...
А тюль на окнах, как снежок,
Качается, качается.

Уйду, послушаю в лесу
Ни песенку, ни шуточку.
Тебе немного принесу
И сам погреюсь чуточку.

*М*ежду нами кошка пробежала.
Сразу вдруг тепло подорожало.
На стекле цветы, как на обоях...
Что-то там сломалось в нас обоих.
Кис-ка, — дочь лопочет, — про-бе-жа-я.
Видимо, соседская, чужая...

Дождь беспросветен, как запой,
И на душе такая нуда.
И ничегошеньки покуда
У нас не клеится с тобой.

Блажим, рискованно глупя,
Смешим людей...
Ах, как шикарно
В любви мухлюем мы, как в картах,
Выигрывая у себя.

И не причем здесь этот дождь,
Он завтра кончится, наверно.
И не простясь, уйду я первым,
А может, первой ты уйдешь.

Не люблю
восклицательные знаки.
Зачем кричать?
Давай поговорим
спокойно.
Люблю точки.
Вот и сейчас
я жду подходящего момента,
чтобы поставить одну из них
раз и навсегда.

Пять строчек о свободе

*П*окрутила пальцем у виска,
Дверь толкнула, чтоб наверняка...
Кончилась Великая суббота.
От соседей каплет с потолка.
Хаос. Первобытная свобода.

Посмотри
на себя
моими глазами.
Видишь разницу?

Это красное на синем
Ни о чем не говорит.
Просто кажется осинам,
Что листва на них горит.

Ветер яблоками сладко
Подышал из-за дерев.
Растворился без осадка
В кущах пьяный, задурев.

Капли, время понимая,
Застучали не к добру.
Дождь, который снился маю,
Не приснился сентябрю.

От луны осталась долька.
Вот и дольки нет уже.
От тебя осталась только
Осень тихая в душе.

*Л*юбить меня необязательно.
Хоть в этом тоже что-то есть.
Вернусь в твои объятия затемно,
Откуда — самому невесть.

Сниму с рамен повинно голову,
Как дар, к уножию сложу,
Похоже, осень. Полю голому
Стерня удобней, чем ежу.

Гляди, сколь облако распучило.
По роще судорожь прошла...
Не долго душу совесть мучила,
А вот печаль насквозь прожгла.

*Д*еревья думают, что лето
Еще не кончилось для них.
Клубясь, витают кроны где-то
В верхах материков лесных.

Желтеет мох в ногах у сосен.
Жиреет ворон, обленясь...
Мы бодро думаем что осень
Не началась еще для нас.

Обломали радость и по ветке
Растащили мигом кто куда.
Птицы удивительной расцветки
С криком разлетелись навсегда.

Погрустим, поплачем —
жизнь сурова,
Отойдем — не век же горевать.
Прикопаем саженец и снова
Терпеливо будем поливать.

Под Соловьева, который Седой,
Вот я танцую совсем молодой,
Маюсь, на пальцы тебе наступая.
Портит пластинку иголка тупая.

Жмет миокард в комсомольской груди.
Задние мысли пока впереди.
Чувства в отлете, желанья в отбеге.
Мы уже вместе, еще не навеки.

Под соловьев, под рассветный туман
Мы совершаем свой честный обман,
Равные каждый себе... Это позже
В целое нас перемесишь, о Боже!

Перелистывая
чудом уцелевший школьный гербарий,
наткнулся
на засушенные лепестки
твоего первого поцелуя,
подаренного мне,
помнится,
накануне Дня святого Валентина.

Странно,
сохранился не только
морозный запах лесной земляники,
но и ягодный цвет,
не вытравленный еще дешевой
косметикой...

Такая вот валентинка.

*П*редставил тебя двадцатилетней,
захотелось снова поухаживать.

— И не стыдно вам, папаша,
наверно уже внуки есть? —
отшила меня.

— Есть, — обиделся я. —
А ты бы лучше, мамаша,
сходила на почту — сегодня пенсию
выдают!

Пока любишь — не стареешь...
Голубой рисунок дня.
Запах трав, вдохнешь — сдуреешь,
Не старей, люби меня.

Интересен штрих в пейзаже
И конструкция жука...
Где они, семнадцать наши?
Может, грустно, но слегка.

Не умели приbedняться:
Раздавали, жили, жгли.
Над собою приподняться —
Вот что главное! — смогли.

Годы... Никуда не денусь.
Годы... Лучше оглянись...
Муравейник. Ходит демос.
Что-то носит сверху вниз.

Снова ты, как птица, реешь
Над моим лицом, звеня.
Пока любишь — не стареешь...
Не старей, люби меня.

*В*от и деревце стало большим:
Не достать, за макушку не взять...
Постоим, коли очень спешим,
Помолчим, коли есть что сказать.

Душа давно без музыки живет,
Зато тугой, как мяч, звенит живот,
Возможно даже украшает тело,
Но в облака подняться не зовет.

«Обабилась», — подумал о жене
И отвернулся вперекат к стене,
Заник, распялил враскосяк зевало,
Себе напомнил: как бы утром не...

А утром, запинаясь на ходу,
Послал семейство спешно в Катманду,
Газету взял и прочитал в газете,
Что умер тихо в том еще году.

Поставлю памятник жене
При жизни в центре огорода
За то, что в пустолясы не
Дала мне выйти из народа.

Натыкав носом в чернозем,
Любовь к земле воспламенила...
Скрипя, вот в рюкзаках несем
Что Бог дал и к чертям не сгнило.

Вчерашний век пошел на слом.
Среди кустов на травке мятой
Заместо девушки с веслом
Восстанет женщина с лопатой.

**По поводу очередной женитьбы
поэта Н. Н.**

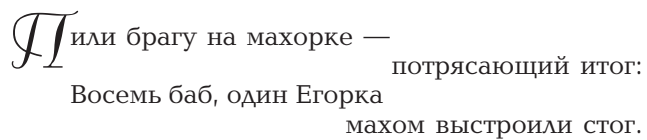
*Л*ибо
Ли Бо,
Либо
Ду Фу
Признался однажды, как на духу:
«И станет старой новая жена».
Добавлю: «Мысль досадна, но верна».

Перестали надобиться бабы,
Разбредись по хатам кореша.
Пал на дно, не умер — замер, абы
Исполёгу теплилась душа.

Никого и ничего не жалко.
Может, в детстве самого себя.
Наврала бродячая гадалка.
Заплошала сручная судьба.

Не болеет, ох, чужим здоровьем.
Деньги? Тьфу! Хватает миски шей...
Человек, увы, хоть с рыбьей кровью,
Одинокий, старый и ничей.

Мужики по всей Европе
 гнали немца в свой загон.
Бабы матом не по злобе
 крыли жизненный закон:

Мол, по этим, как Егорка,
 школа плачет сколько лет,
Мол, без мужней ласки горько,
 срок идёт, а счастья нет...

Памяти Евдокии Маханьковой

Одуванчик выдерну и дуну
На курчавый циркульный овал...
Каюсь, зря Чудиновскую Дуню
Я монашкой в детстве обзывал.

Но, когда с толпою по аллее
Шел весной вдоль кладбища за ней,
Я на год, примерно, стал взрослее
И на жизнь ее, считай, умней.

«*М*не женние сво..., а мужние стер...»,
Одна вот насмелилась и сказала,
Причем стояла всегда у вокзала
И знала почём как она, например.

*П*ьяный в Стеньку Разина,
Зашибленный сосед
Бьёт жену орясиной,
Ремня как-будто нет.

Не княжна, но женщина,
Гуманней надо быть.
Вон Есенин с меньшими
Дружил, не то чтоб бить.

Варварами, гуннами
Злотворными живём...
Бабы — не чугунные,
Они нужны живьём.

*Д*емонстрируют в трамвае
Двое нынешних любовь.
Между нами, не дровами,
Возгорают вновь и вновь.

Две старухи побежали,
Две сорвались с мягких мест.
Невтерпеж, как при пожаре,
Дыма нет, а очи ест.

Можно бы схлестнуться в споре...
«Я + ты» — в свои года
Мы являли на заборе,
Чтоб на людях — никогда.

*П*озавтракал «Завтраком туриста»,
пообедал «Славянской трапезой»,
поужинал «Рыбацким ужином»,
включил «Электросон»
и задремал с теплой мыслью о том,
что надо бы купить с очередной пенсии
резиновую куклу «Имитатор».

Постскриптум

*М*ужчина — сын женщины, —
сказал один индеец.

Он был темный дикарь
и верить ему не обязательно,
но принять к сведению
необходимо.

Накукарекал счастья на двоих
Петух усть-уйских родичей твоих.
Хотя потом предательски зажарен,
Как я густым шиповником зажатен
Был у степной реки на букву «У».
Вот нету петуха, а я живу.
К родичей давно на свете нету,
И жизнь в гробу я, в общем, видел эту.
Те — молодая, падкая была,
А, посмотри, куда нас завела:
Зима, ночь, улица, фонарь, аптека
И ко всему — бандитская опека.

В полной боевой раскраске
Три девицы вечерком
Выйдут в город строить глазки,
Отзываться матерком.

На углу возьмут по пиву,
Сигареты подожгут.
Сбегает одна в крапиву,
Остальные подождут.

Может, повезёт кому-то,
А кому-то долго бдеть.
Девство, будто речка, мутно,
Что на дне — не разглядеть.

Роман о Даниле-почтальоне

(из И. Сарайлича)

*К*огда — то он
разносил
любовные письма.
Теперь
по тем же адресам
разносит
пенсию.

После чернобыльской катастрофы

(из Х. Грилла)

*Р*адио обещает дождь.
Небо провисло,
Если оно рухнет, нам несдобровать.
Рай и ад оказались не так
далеки друг от друга.
Свет и тьма перемешались
у нас на глазах.
Иди ко мне,
обнимемся и потеряем голову.

✧ ✧ ✧
С новой строки
начинаю жизнь.
Начинаю
со старого слова
«люблю».

Содержание

«И слово, как реликвия...»	3
«Каплет мартовская проза...»	4
Берестяная грамота	5
«Когда-то, на экзаменах на зрелость...»	6
«Извлекаю корень...»	7
В детстве мы любили играть...»	8
Стихи по поводу	9
«Изнапастили дожди...»	10
Романс	11
«Любили Дуньку Кулакову...»	12
«Не успели похоронить одну эпидемию...»	13
«В который раз с надеждой...»	14
«Белый свет не бел, не светел...»	15
Выбор	16
«С тех пор, как я тебя встретил...»	17
«Дальний угол земли, но с российским до кустика видом...»	18
«Тарелка золотых плодов...»	19
«Тень отрастала, словно ветка...»	20
«Заботы поры гнездованья...»	21
«Еще цветы, в слезах спросонок...»	22
«Лес именем своим пропах...»	23
«По счету елочки в лесу...»	24

«Пойдем на верх горы Железной...»	25
Слышишь, о чем говорят...»	26
«Толпа, в которой нет тебя...»	27
«Кушайте райские яблочки!..»	28
«Отыскивая лучшие слова...»	29
«"Учитесь любить у цветов" ...»	30
Любить и вспоминать...»	31
«Пожертвуем, адамы, по ребру...»	32
«Сквозь облако, сквозь марево, сквозь сон...»	34
Импровизация	35
«Зеркала не в меру льстивы...»	36
Гора	38
Здесь, у воды, такая тишина...»	39
Зачем?	40
Мне кажется, что я тебя леплю...»	41
«Где сохнет по дождю Атлан...»	42
«Люби меня таким, какой я есть...»	43
«Таких стихов, какие шепчешь...»	44
Этюд для двоих	45
«Вокруг творилось разное...»	46
«Затяжной поцелуй...»	47
«Планируем время...»	48
Метеорологический этюд	49
У лета цветные карандаши...»	50
«Постой, — сказала, — я сейчас...»	51
«Украдкой, как вор, наощупь...»	52
Метафорический этюд	53
«Металась женщина, кричала...»	54
Математический этюд	55
Амбиция	56
Дочь	57
Стихи, написанные по просьбе Жанны	58

«Пока что небо птице мелко...»	59
«Цифры генетического кода...»	60
«Расшевелила сумерки звезда...»	61
Стихотворение о любви	62
Демографические наблюдения	63
«Сиятельная осень над хлебами...»	64
Барков	66
Индия	67
Ниагара	68
География любви	69
Комплимент Эйфелевой башне	70
Имя	71
«Прислушиваюсь и не пойму...»	72
Стеклянная женщина	73
«Как будто долго проболела...»	74
Старший сержант запаса...»	75
Фраза	76
«Болеют липы снами вещими...»	77
Этюд о крайностях	78
«До добра не доведет, наверно...»	79
«Глупа и это ей идет...»	80
Из югославского фольклора	81
В музее	82
«Чеканщик пригвоздил устало...»	84
«Уже мороз не пронимает...»	85
«Мучительно для глаз...»	86
«Плачет женщина молчком...»	87
«Расшатанный ветрами березняк...»	88
Вечерние окна	89
«Не про меня упёртый сопромат...»	90
«Как мины, пряча грузди...»	91

«Глаза в слезах, как поплавки...»	92
Осенины	93
«Вот жизнь: письмо, дорога...»	95
«Покаплет. Побрызжет. Польет».	96
«Живут же люди...»	97
Хотел, чтобы все женщины походили...»	98
«Берез полночное свечение».	99
«С горячей пеной на губах...»	100
«О чем тот дождик за окном?»	101
«Челябинск елками торгует...»	102
«Снег на пне, на птичьем ложе...»	103
«Она мыла ему ноги...»	104
Искушение	105
Ялтинские кошки	106
«Музыка лёгкого поведения...»	107
Элегия	108
«Торчу в постылом Мухосранске».	109
«Вспомни обо мне!..»	110
Сонет	111
«Зачем тебе такое лихо...»	112
Последнее слово	113
«Однообразие зимы. Берез однообразие».	114
Смиренная элегия	115
Уже ничем не удивит...»	117
«Любовь ворованной была...»	118
Свидание	119
Помните, у Соколова...»	120
Язык любви	121
Пасмурные стихи про мягкий знак	123
«У нас с тобой, как никогда...»	124
«Между нами кошка пробежала».	125
«Дождь беспросветен, как запой...»	126

«Не люблю восклицательные знаки».....	127
Пять строчек о свободе	128
«Посмотри на себя...»	129
«Это красное на синем...»	130
«Любить меня необязательно».....	131
«Деревья думают, что лето...»	132
«Обломали радость и по ветке...»	133
«Под Соловьева, который Седой...»	134
«Перелистывая чудом уцелевший...»	135
«Представил тебя двадцатилетней...»	136
«Пока любишь — не стареешь...»	137
«Вот и деревце стало большим...»	138
«Душа давно без музыки живет...»	139
«Поставлю памятник жене...»	140
По поводу очередной женитьбы	
поэта Н. Н.	141
«Перестали надобиться бабы...»	142
«Пили брагу на махорке — потрясающий итог...»	143
«Одуванчик выдерну и дуну...»	144
«"И не женние сво..., а мужние стер...»	145
«Пьяный в Стеньку Разина...»	146
«Демонстрируют в трамвае...»	147
«Позавтракал "Завтраком туриста"...»	148
Постскриптум	149
«Накукарекал счастья на двоих...»	150
«В полной боевой раскраске...»	151
Роман о Даниле-почтальоне	152
После чернойбыльской катастрофы	153
«С новой строки начинаю жизнь».....	154

Година Н. И.
Стеклянная женщина
Стихотворения

Литературно-художественное издание

Обложка, титул В. Н. Чесноков.
Иллюстрации С. Л. Черкашин.
Набор В. Зорин.
Верстка В. Б. Феркель.

Подписано в печать 9.03.2006 г. Формат 70 × 90_{1/32}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Усл. печ.-л. 5,85.
Тираж 500 экз.
Заказ № ____.
Цена свободная.